

фантастика», згідно з яким під науковою фантастикою розуміється такий вид фантастики, твори якого мають ознаки вторинної художньої умовності, пізнавального відчуження та випробовування інтелектуальної ідеї чи розробки фантастичного припущення. Як робочу характеристику евристики в дослідженні використовують ту, яку запропонував В. Спиридонов. Результатом дослідження є наступне: наукову фантастику можна розглядати як різновид евристики за певних умов, наприклад, коли науково-фантастична робота містить відрефлексовану евристику або коли евристика представлена як науково-фантастична робота для стимулювання інтуїтивного спалаху думки або розуміння.

Ключові слова: евристика, інтелектуальна ідея, наукова фантастика, пізнавальне відчуження, художня умовність.

Константин Райхерт

ЭВРИСТИКА КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ

В рамках исследования осуществляется концептуализация научной фантастики как эвристики с целью обосновать предположение, что эвристика – это познавательная функция, которой наделяют некоторые способы познания для интеллектуально-креативного решения конкретной задачи (или проблемы) или получения нового знания (открытия). Для того, что концептуализация осуществилась, предлагается гибридное определение понятия «научная фантастика», согласно которому под научной фантастикой понимается такой вид фантастики, произведения которого обладают признаками вторичной художественной условности, познавательного отчуждения и проверяемости интеллектуальной идеи или разработки фантастического допущения. В качестве рабочей характеристики эвристики в исследовании используется предложенная В. Спиридоновым. Результат исследования состоит в следующем: научная фантастика может рассматриваться как разновидность эвристики при определённых условиях, например, когда научно-фантастическая работа содержит отрефлексованную эвристику или когда эвристика представлена как научно-фантастическая работа для стимулирования интуитивного «всплеска» мысли или понимания.

Ключевые слова: интеллектуальная идея, научная фантастика, познавательное отчуждение, художественная условность, эвристика.

Стаття надійшла до редакції 29.04.2021

Стаття прийнята 12.05.2021

DOI: [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2021.1\(35\).246733](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2021.1(35).246733)

УДК 009:168.522 **Александр Афанасьев, Ирина Василенко**
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОБЛАЗНЫ ФИЛОСОФИИ

Существует множество различий между философией и литературой и в средствах, и в целях, и в восприятии. Но периодически философия и литература взаимодействовали. Литература не раз ставила философские проблемы, философия нередко анализировала литературу, порой соблазняясь литературным стилем. Литературные соблазны многообразны, но особую привлекательность имеют: 1. понятность и доступность литературного языка, 2. чувственно-эмоциональное воздействие литературы как создание особого переживания прочитанного, 3. нарративный способ репрезентации мира.

Ключевые слова: философия, литература, нарратив, рациональность, текст.

Философия и литература стали самостоятельными игроками на поле культуры еще в античные времена и с тех пор периодически вступают в некоторые отношения друг с другом и с другими феноменами человеческого бытия. Они определенным образом относятся к миру природы, осмысливая и выражая его в онтологических философских концепциях и, соответственно, описывая его различными литературными способами. Аналогично они относятся к миру культуры, общества, человека: как-то отражают этот мир, когда ставят такую цель, или, напротив, нечто навязывают этому миру, формулируя идеалы, нормы, цели, ценности, делая это разными способами. Тут и философия, и литература выглядят как конкурирующие субъекты, осваивающие общий для них объект – мир человека.

Различия между ними оформились сразу при рождении: философию отличает постановка проблемы или вопроса и ответ, обязательно аргументированный, а литература сориентирована на описание интересного приключения. Институционализация закрепила различия и навсегда развела философию и литературу, а их эволюция в самостоятельных нишах привела к накоплению громадного количества отличий и в средствах, и в целях, и в восприятии. Тем не менее, периодически философия и литература взаимодействовали и даже «заступали» на чужую территорию. Этим больше грешила философия как «царица наук», периодически пытаясь анализировать литературу, ее средства и созданный ею литературный мир [Хайдеггер 2008], и изредка использовать литературный стиль, как, к примеру, Ф. Ницше. Но и литература не

оставалась в долгу, порой в своих великих произведениях ставя философские проблемы.

Однако до недавнего времени философия выглядела значимее и солиднее литературы, претендуя на самую адекватную репрезентацию мира. Рациональность, строгость, сложность философского знания и средств его получения и представления снискали ей огромный авторитет и популярность среди интеллектуалов. Но в последнее время ситуация существенно изменилась. Разрослась интеллектуальная сфера, особенно научно-техническая, с огромным количеством специализаций, где философия не выглядит предпочтительней других. Философия потеряла прежнюю целостность и разделилась на большое количество направлений и исследовательских областей. Наконец, философия подверглась основательной критике за строгий сухой рационализм, далекую от непосредственных человеческих нужд всеобщность, понятный лишь немногим язык, чего не было в литературе, и, что немаловажно, отсутствие образной яркости, красивой метафоричности, занимательной нарративности, чувственно-эмоционального воздействия, вызывающего особые переживания, и всего того, что всегда было достоянием литературы. Литературные соблазны многообразны: от особых литературных средств выражения до литературного стиля мышления, от постановки общечеловеческих проблем до особых способов репрезентации мира, от исследования литературных феноменов до следования им. Вопрос о перспективности использования некоторых специфических особенностей литературы в философии будет предметом обсуждения в настоящей статье.

Термины «философия» и «литература» имеют, с одной стороны, достаточно однозначное понимание, исходя из специфики подходов, методов, основных задач, средств выражения и т. п. С другой стороны, содержание терминов претерпевало значительную трансформацию в ходе культурной эволюции. Так философия объединяет под своей крышей довольно много философских направлений и самостоятельных областей исследования. Скажем, современная структурная или динамическая онтология, как и прежняя метафизика, почти полностью реализуются на материале естествознания и достаточно далеки от литературных соблазнов. Зато те области философского знания, которые ставят проблемы собственно человеческого мира и бытия в нем, проблемы смысла жизни, сущности человека, великого или низменного в человеке и прочие философско-нравственные, философско-эстетические, философско-культурные, философско-гуманитарные вопросы, коррелируют с некоторыми великими литературными произведениями, ставящими, по существу, такие же проблемы и порой лучше философии, хотя в ином виде и иными средствами.

Можно в качестве примера назвать Ф. Достоевского (писателя!), известного и авторитетного в философских кругах лучше и больше многих философов.

Литература, по-видимому, изменялась еще больше в ходе общественно-культурной эволюции, а в последнее время изменилась радикально. Главное даже не в том, что наряду с «великой литературой» существует приключенческая, детективная, научно-популярная, детская литература и прочее «облегченное чтение». Важно, что умножается до бесконечности количество написанного с претензией на литературность, особенно с учетом текстов массмедийного пространства, всемирной паутины, всевозможных интернетканалов и сайтов. Это дает право заявить, что литература отнюдь не представляет собой неизменную онтологическую категорию или объективную сущность, а всего лишь изменчивый функциональный термин [Иглтон 2010].

Немаловажное значение имеет и следующее обстоятельство. Традиционная литература в еще недавнем прошлом выдавала целостные тексты, причем немалого объема, включавшиеся в целостную литературную и культурную ткань, носителями которой были индивиды с целостным мировоззрением. Сейчас традиционные целостности распались. Это касается и социально-культурных, и религиозных, и научных, и философских образований. Целостное мировоззрение отсутствует. Современный читатель как потребитель всевозможных текстов не нуждается в целостности. Клиповое мышление и клипово-хаотическое мировоззрение воспринимают короткие, часто несвязанные и противоречащие друг другу, тексты. В таких условиях постмодернистский роман не только соответствует духу времени, но является мощным соблазном и своеобразным образцом для производителей и потребителей других текстов, в том числе философских.

Часто говорят, что философия стремится подражать науке, строиться как наука, особенно в плане рациональности, логичности, строгости аргументации и доказательности. Однако, скорее наоборот: наука подражала философии. Философия две тысячи лет до становления науки активно реализовывала отмеченные качества. Наука переняла их от философии, добавив свои специфические, как например, особое научное наблюдение и эксперимент, а позднее – проверяемость, выводимость, воспроизводимость и пр. Родоначальник науки Галилей еще и существенно упростил ее задачи описанием изучаемых феноменов, оставив философии объяснение и познание глубинной сущности мира. Именно последнее обстоятельство вкпе с особым категориальным аппаратом делало философию понятной лишь немногим в отличие от более простой науки и, в особенности, от развлекательной и понятной всем, даже безграмотным, литературы.

При кажущейся простоте литературы, она выполняет очень важную и довольно сложную миссию, на которую обратил внимание Р. Рорти: литература обеспечивает человеку граничный запас слов, которым он оперирует в мышлении и в действиях (Рорти 1996). Действительно, человек не может мыслить вне указанного запаса. Можно сказать, что литература обеспечивает не только словарный запас, но и правила оперирования им, а также, что немаловажно, системы мыслительных схем и образов относительно реальности, хотя литература представляет вымышленный мир.

Очевидно, что запас слов и мыслительных схем всегда составлял базу философских размышлений. Хотя философия дала более глубокое осмысление мира, важное в общечеловеческом смысле, но малопонятное рядовому читателю. Стать более понятной, был, по-видимому, одним из первых соблазнов философии. Стремление к понятности обусловило, наряду с другими причинами, появление энциклопедий, различных пропедевтик, упрощенных курсов философии. Велико ли там конкретное влияние литературы – спорно, но соблазн, пожалуй, бесспорен. В результате появились новые формы организации и представления знания. А когда получила невиданное распространение детская литература, философия задумалась об освоении и этой ниши. Соблазн велик, успех пока не столь велик, но начало положено.

Характерной особенностью литературы является ее эмоциональное воздействие. Нередко в этом усматривают недостаточность и ущербность литературы как репрезентанта человеческого бытия по сравнению с философией, рациональность которой позволяет выразить глубинные основания бытия. Верно подмечено, что культура постсоветского (как, впрочем, и советского и предсоветского) пространства литературоцентрична, и здесь влияние философии не так велико, как на Западе. В этом смысле, в нашей культуре философия проиграла борьбу литературе [Філософія і література 2011: 14]. Но даже «выигравшая» литература не может в одиночку справиться с функцией властительницы дум, с функцией репрезентации культуры и собственно антропологической репрезентации. Нужна философия. Однако философская рефлексия проигрывает литературному стилю и в занимательности, и в понятности, и в чувственно-эмоциональном воздействии.

В эмоциональном воздействии литературы можно усмотреть не ограниченность, а, напротив, ее преимущество. Чтение литературы не только и даже не столько предполагает поиск в литературном произведении смыслов, идей, особых значений, авторских замыслов, сколько представляет собой переживание некоторого особого настроения, возникшего в ходе и в результате чтения. В этом смысле чтение скорее телесно-эмоционально,

чем рационально [Філософія і література 2011: 17]. Известно, что неподготовленные читатели, а их, похоже, большинство, испытывают именно эмоциональное воздействие и поддаются под соответствующее настроение, что в свою очередь определенным образом детерминирует их поступки. А у подготовленного читателя соответствующее настроение может обеспечить более адекватное переживание, скажем, некоторой прошлой эпохи, чем даже ее современниками. Это еще один литературный соблазн для философии. Требование занимательности, яркости, эмоциональной насыщенности изложения давно предъявляется философии в преподавательской среде, в частности, к лекциям и учебной литературе. Но занимательность изложения новых идей в научно-философских кругах становится востребованной относительно недавно. Большой вклад в этот процесс внесли литературоведы, лучше других знакомые с особенностями литературы и литературным стилем, когда начали писать философские работы. Не случайно и то, что в конце XX века литературоведение стало в известном смысле законодательницей мод в производстве теорий «на экспорт». Целый ряд гуманитарных дисциплин: право, антропология, история искусства, даже психоанализ, вслед за философией, используют литературоведческие наработки [Каллер 2006].

Соблазн использовать преимущества эмоционального воздействия текста особенно заметен, когда философия сотрудничает с литературоведением. Известный философ и литературовед Виталий Махлин вспоминает беседу 1973 года М. Бахтина и филолога В. Дувакина. Бахтин цитирует строку В. Маяковского «лизать поэзии мозолистые руки» из неоконченного стихотворения поэта «Я знаю силу слов, я знаю слов набат...» и спрашивает: «Что он имел в виду?». Дувакин в ответ задает примечательный вопрос: «Это Вам нравится или не нравится?» [Философия и литература 2009]. По мнению Махлина в этом ответе-вопросе четко проявляется особенность подхода литературоведа, но не философа. Личностное, вызванное воздействием определенного текста, эмоциональное отношение типа «нравится» может быть достаточным основанием для научной работы гуманитария. Традиционному философу всегда нужны были рациональные основания, но предмет исследования порой соблазнял.

В этой связи не утихают споры о философском и литературоведческом наследии М. Бахтина. Так, выдающийся ученый, филолог-литературовед М. Гаспаров полагал, что труды М. Бахтина представляют своеобразную программу философского творчества, а не строгие научные методы литературоведческого исследования. Поэтому Бахтин принадлежит к той области знания, где создаются новые картины мира, вносятся новые

ценности, что и сделал Бахтин в работах о Достоевском и Рабле. Следовательно, Бахтина следует считать философом, а не ученым-филологом [Гаспаров 1997: 496]. Сам Гаспаров с помощью строгих сравнительно-статистических методов исследовал русский и европейский стих, описал эволюцию его форм и вообще занимался исследованием стиха не в рамках субъективного личностного эстетического переживания, а именно «в терминах доказуемых и показуемых закономерностей» [Автономова 2009: 18]. То есть, он представлял собой типичного ученого. Однако, многие бахтинисты полагают, что именно бахтинский подход является научным. Впрочем, литература как исследовательский объект настолько сложный феномен, что в литературоведении легко уживаются философские, научные и вненаучные представления, дополняя друг друга [Афанасьев 2013].

Наиболее впечатляющим соблазном для философии, по-видимому, оказался нарратив. Долгое время он исследовался лишь в рамках теории литературы. Было, в частности, установлено, что термин «нарратив» означает несколько иное, чем повествовательный текст, рассказ. Акцент делается не на событие рассказывания, а на сами рассказываемые события, на «историю», которая как бы упорядочена еще до текстуального изложения. Но такая упорядоченность возникает, как утверждают нарратологи, именно благодаря повествованию, только эта работа остается обычно незаметной, что порождает иллюзию объективного описания реальных упорядоченных в пространстве и во времени событий. Философы установили, что повествование присуще любой сфере человеческой деятельности, после чего интерес к нарративу быстро вышел за пределы теории литературы. Понятие нарратива было обобщено, расширено и в то же время специфицировано в широком спектре вопросов, изучаемых философией, правоведением, историей, психологией, не говоря уже про литературоведение и лингвистику.

Нарратив стал не просто предметом многих теоретических исследований. Он превратился в настоящую парадигму методологии гуманитарного и не только гуманитарного знания. Главным источником нарративного поворота стало открытие философами в 1980-х гг. того, что повествовательная форма – и устная и написанная – составляет фундаментальную психологическую, лингвистическую, культурологическую и философскую основу наших попыток описать природу, социум, человека [Брокмейер Харре 2000: 30]. С одной стороны, это оказалось проявлением общего кризиса рационалистических методологических моделей, основанных на естественнонаучных идеалах, с другой – осознанием ограниченности известных позитивистских и

марксистских установок на поиск законов человеческого поведения. Нарративный поворот сомкнулся с так называемым «лингвистическим поворотом» в философии истории, с поиском новых методологических оснований, спровоцированных литературными нарратологическими штудиями. Тогда поняли, что исторические концепции обусловлены не столько фактами или философскими и идеологическими убеждениями, сколько нарративными схемами [Уайт 2002].

Необходимым условием нарратива является развивающийся во времени сюжет [Riceur 1995: 286]. Это обуславливает ряд важных черт: наличие конечной цели рассказа, из которой все упоминаемые события получают объяснение, отбор наиболее важных событий, непосредственно относящихся к конечной цели, упорядочивание событий в определенную временную последовательность, когда каждое последующее событие представляет собой следствие предыдущего события. Нарратив определенным образом оформлен как стабильный, прогрессивный или регрессивный, что позволяет описать любой фрагмент эволюции.

Формы нарративной организации обнаруживаются внутри самой культуры, более того, по своей фундаментальной сюжетной линии они соответствуют литературным жанрам. Так, известный канадский литературовед Н. Фрай выделил базисные формы нарратива, укорененные в человеческом опыте, в частности, «родовые сюжетные структуры»: трагедию, комедию, сатиру, роман. Позднее Х. Уайт показал, что историк использует их, придавая известным историческим фактам определенную сюжетную линию и конфигурацию в соответствии с требованиями той или иной сюжетной структуры [Уайт 2002].

Нарратив может порождать не только вымышленную литературную жизнь, но и реальные события. В частности, марксистский нарратив, или, точнее, метанарратив социально-исторического процесса не только выдавался за реальность, но и породил вполне реальную и в известном смысле достаточно жизнеспособную советскую реальность. Тот факт, что нарративизация может быть не осознана ее творцами не меняет дела. Будучи осознанными, написание и переписание нарратива в соответствующем дискурсе становится мощным инструментом преобразований. Переписание нарратива о курении на нарратив о здоровом образе жизни видоизменило жизнь целых народов. Сейчас даже феминистам очевидно, что решение гендерных проблем возможно только при нарративном переписании гендерных стереотипов.

Философия, как и гуманитарные науки, благодаря включению нарратива в свою сферу приобретает особую роль в познавательной деятельности, в осмыслении человеком собственной природы и мира в

целом, поскольку нарратив имеет широкие возможности задавать порядок, организацию, согласованность человеческому опыту, а главное изменять их за счет гибкости и открытости своей структуры. Классические теоретические модели, подобные естественнонаучным, такой гибкостью не обладают. В частности, поэтому не всегда и не во всем гуманитарные науки должны строиться по образцу естественнонаучных. Более того, гуманитарные науки за счет исследования нарративов могут прояснить многие естественнонаучные и технические тексты, а главное помочь понять основания любой человеческой деятельности, приобретая, таким образом, ту методологическую всеобщность, о которой издавна мечтали методологи.

Литературные соблазны выливаются в часто задаваемый вопрос: к чему тяготеет философия, как она себя должна позиционировать: как наука или как литература? К чему она должна «прислониться» [Философия и литература 2009]. В силу неисчерпаемости философии ответов может быть несколько. Не ставя задачу их анализа, отметим, лишь, что не потерял своего смысла традиционный ответ: философия не наука, не литература, не искусство, не религия, а ... философия со своим понятийным аппаратом, своими подходами, своим видением. В этом смысле философский стиль мышления не должен подменяться литературным стилем с его необязательной точностью, нелогичностью, многозначностью, непоследовательностью, недоказанностью.

Более значимым представляется другой вопрос: должна ли философия противостоять литературным соблазнам? Ответ может рассматриваться в качестве вывода. При всех издержках популяризаторские, чувственно-эмоциональные, нарративные и другие литературные соблазны философии давали положительные результаты и в качестве объекта исследования, и в качестве образца для подражания: стимулировались дискуссии, выдвигались интересные и плодотворные концепции, — разумеется, если философия оставалась философией.

Список использованной литературы

- Автономова, Н. С. (2009) *Открытая структура: Якобсон–Бахтин–Лотман–Гаспаров*, Москва: РОССПЭН, 503 с.
- Афанасьев, А. И. (2013) *Гуманитарное знание и гуманитарные науки*, Одесса: Бахва, 288 с.
- Брокмейер, Й., Харре, Р. (2000) *Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы*, в: *Вопросы философии*, № 3. Москва. ИФРАН, сс. 29–42.
- Гаспаров, М. (1997) *М. М. Бахтин в русской культуре XX века*, в: *Избранные*

- труды. В 3 т.* Т. 2, Москва: Наука, 604 с.
- Иглтон, Т. (2010) *Теория литературы: Введение*, Москва: Территория будущего, 296 с.
- Каллер, Дж. (2006) *Теория литературы: краткое введение*, Москва: Астрель: АСТ, 158 с.
- Рорти, Р. (1996) *Случайность, ирония и солидарность*, Москва: Русское феноменологическое общество, 282 с.
- Уайт, Х. (2002) *Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX в.*, Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 528 с.
- Філософія і література. Круглий стіл редакції часопису «Філософська думка»* (2011), в: *Філософська думка*, № 1, Київ: ІФНАНУ, сс.5–22.
- Философия и литература: проблемы взаимных отношений. Материалы «круглого стола»* (2009), в: *Вопросы философии*, № 9, Москва: ИФРАН, сс. 56–96. Дата обращения: 1.08.2020. URL: <http://naukarus.com/filosofiya-i-literatura-problemy-vzaimnyh-otnosheniy-materialy-kruglogo-stola>.
- Хайдеггер, М. (2008) *Исток художественного творчества*, Москва: Академический проект, 528 с.
- Riceur, P. (1995) *Hermeneutics and Human Science*. Cambridge university press, 314 p.

Олександр Афанасьєв, Ірина Василенко ЛІТЕРАТУРНІ СПОКУСИ ФІЛОСОФІЇ

Існує безліч відмінностей між філософією і літературою і в засобах, і в цілях, і в сприйнятті. Але періодично філософія і література взаємодіяли. Література не раз ставила філософські проблеми, філософія нерідко аналізувала літературу, часом спокушаючись літературним стилем. Літературні спокуси різноманітні, але особливу привабливість мають: 1. зрозумілість і доступність літературної мови, 2. чуттєво-емоційний вплив літератури як створення особливого переживання прочитаного, 3. нарративний спосіб репрезентації світу.

Ключові слова: *філософія, література, нарратив, раціональність, текст.*

Alexander Afanasiev, Irina Vasilenko LITERARY TEMPTATIONS OF PHILOSOPHY

The article examines the features of literature that are attractive for philosophy. Literary temptations are diverse: from special literary means of expression to a literary style of thinking, from posing common human problems to special ways of representing the world, from studying literary phenomena to following them.

The differences between philosophy and literature took shape in antiquity. Philosophy posed a question and gave a reasoned answer, while literature described an interesting adventure. Further evolution has accumulated many differences in means, and in goals, and in perception. But from time to time philosophy and literature interacted. Philosophy sometimes analyzed literature like Heidegger, occasionally used a literary style like Nietzsche. But literature has repeatedly posed philosophical problems like Dostoevsky.

Of particular attractiveness are: 1. the comprehensibility and accessibility of the literary language, 2. the emotional impact of literature as the creation of a special experience of the read, 3. a narrative way of representing the world. The desire for clarity has led to the emergence of encyclopedias, various propaedeutics, simplified courses in philosophy and other new forms of organization and presentation of knowledge. The example of children's literature led to the emergence of philosophy for children.

A personal emotional attitude to the text can be a sufficient basis for the scientific work of a humanist. A philosopher always needs rational foundations, but the subject of research could also be asked by literary emotions.

Narrative has proved to be an impressive temptation for philosophy. For a long time, it was studied only within the framework of literary theory. From there he came to philosophy. Under the influence of philosophy, the narrative turned into a paradigm for the methodology of humanitarian knowledge.

Literary temptations of philosophy gave positive results: discussions were stimulated, interesting concepts were put forward, if philosophy remained philosophy.

Keywords: *philosophy, literature, narrative, rationality, text.*

References

- Avtonomova, N. S. (2009) *Otkrytaya struktura: Yakobson–Bahtin–Lotman–Gasparov* [Open structure: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov], Moskva: ROSSPEN, 503 p.
- Afanasiev, A. I. (2013) *Gumanitarnoe znanie i gumanitarnye nauki* [Humanitarian knowledge and humanities], Odessa: Bakhva, 288 p.
- Brokmejer, J., Harre, R. (2000) *Narrativ: problemy i obeshaniya odnoj alternativnoj paradigm* [Narrative: Problems and Promises of One Alternative Paradigm], v: Voprosy filosofii, №3. Moskva. IFRAN, pp. 29–42.
- Gasparov, M. (1997) *M. M. Bahtin v russkoj kulture XX veka* [M.M.Bakhtin in Russian culture of the XX century], v: *Izbrannye trudy*, v 3 t., t. 2, Moskva: Nauka, 604 p.
- Iglton, T. (2010) *Teoriya literatury: Vvedenie* [Theory of Literature: Introduc-

- tion], Moskva: Territoriya budushego, 296 p.
- Kaller, Dzh. (2006) *Teoriya literatury: kratkoe vvedenie* [Literature Theory: A Brief Introduction], Moskva: Astrel: AST, 158 p.
- Rorti, R. (1996) *Sluchajnost, ironiya i solidarnost* [Chance, Irony and Solidarity], Moskva: Russkoe fenomenologicheskoe obshestvo, 282 p.
- Uajt, H. (2002) *Metaistoriya. Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX v.* [Methistory. Historical imagination in Europe of the XIX century], Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 528 p.
- Filosofiya i literatura* [Philosophy and Literature]. Kruglij stil redakciyi chasopisu «Filosofska dumka» (2011), v: *Filosofska dumka*, № 1, Kyiv: IFNANU, pp.5–22.
- Filosofiya i literatura: problemy vzaimnyh otnoshenij* [Philosophy and Literature: Problems of Mutual Relations]. Materialy «kruglogo stola» (2009), v: *Voprosy filosofii*, №9, Moskva: IFRAN, pp. 56-96. Data obrasheniya: 1.08.2020. URL: <http://naukarus.com/filosofiya-i-literatura-problemy-vzaimnyh-otnosheniy-materialy-kruglogo-stola>
- Hajdegger, M. (2008) *Istok hudozhestvennogo tvorchestva* [The Source of Artistic Creativity], Moskva: Akademicheskij proekt, 528 p.
- Riceur, P. (1995) *Hermeneutics and Human Science*. Cambridge university press, 314 p.

Стаття надійшла до редакції 17.02.2021

Стаття прийнята 10.03.2021